
ИСТОРИИ БУДУЩЕГО

А. П. НАЗАРЕТЯН

«АГЕНТУРА ВЛИЯНИЯ» В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

Эволюция антропосферы неумолимо приближается к точке грандиозного перелома, за которым может начаться либо «нисходящая ветвь» планетарной истории, либо переход земной цивилизации к космической стадии развития. Смертельные угрозы связаны с обостряющейся патологией глобальной геополитической системы, и усиление России может сыграть стабилизирующую роль, если ее руководство своевременно решится сменить концептуальные акценты во внешнеполитической стратегии. Перенос внимания с патриотических деклараций («защита русского мира» и т. д.) на задачи оздоровления глобальной геополитики привлечет бы лидеров мнения за рубежами страны и повысит бы эффективность международной активности российского руководства.

Ключевые слова: геополитика, система, устойчивость, Россия, агентура влияния, будущее, сингулярность, конфликты, Украина, катастрофофилия.

Обострение украинского кризиса с особой наглядностью обнаружило не только патологии в глобальной геополитической системе, но и слабости концептуального и информационного обеспечения российской внешней политики. В личных беседах политологи и общественные деятели разных стран говорят, что именно неуклюжее информационное сопровождение мешает им публично поддерживать антифашистскую борьбу украинцев и сочувствующих ей российских властей. Приводятся безответственные заявления публицистов, выдержанные в агрессивно патриотическом или религиозном духе, тиражируемые в западных СМИ и социальных сетях и представляемые как образцы «русской идеологии».

Невнятность мировоззренческого посыла российских властей дополняется психологической беспомощностью его информацион-

ных проводников¹. Все это на деле только подкрепляет в сознании обывателя желательный для оппонентов образ большой экспансивной России, терзающей маленькую слабую Украину, и аналогии с действиями немецких нацистов, обращенные не на их прямых наследников – бандеровцев и «Дивизию СС “Галичина”», – а на российскую власть. Официальные послы руководства (типа «защиты русского мира») более или менее привлекательны для внутреннего потребителя, но они неспособны заинтересовать бескорыстных лидеров мнения и исключают эффективную «агентуру влияния» за рубежом.

Между тем с VI века до н. э. (когда Кир Великий впервые додумался использовать идейные противоречия между зарубежными жрецами и властью [Берзин 2009]) роль такой агентуры в международных отношениях возрастала, а в современном мире внешнеполитическая деятельность при ее отсутствии и вовсе бесперспективна. Добавлю, что формирование «агентов влияния» чаще всего не требует крупных финансовых затрат – важнее яркая привлекательная идея. Более того, опыт международных контактов позволяет мне утверждать, что миллионы людей в странах Америки, Азии, Ближнего Востока и Европы, замечающие обвалыные процессы в мировом сообществе, ждут именно от России внятной *космополитической* программы, способной вдохновить на совместные действия для достижения глобальных целей.

Далее тезисно представлены соображения, которые, по мнению автора, могли бы служить контуром такой программы, сделав российскую политику притягательной для формального и неформального партнерства.

* * *

Геополитические процессы сложились в глобальную систему с синхронизированными зависимостями в XX веке, пережив напряжения двух мировых войн и сразу вступив в преддверие третьей. На фронтах так называемой холодной войны погибли в общей сложности до 25 млн. человек, но эти локальные фронты были рассредоточены в пространстве и времени, находились далеко от Ев-

¹ Это обусловлено историческими обстоятельствами. «Позднесоветские» партработники, идеологи и журналисты действовали в обстановке «железного занавеса», и их обучали только работе с изначально согласной аудиторией – в теории пропаганды это называется функцией усиления. О техниках *конверсивного* воздействия (ориентированного на изменение установок и стереотипов, преодоление бессознательных психологических барьеров) российские журналисты по-прежнему имеют очень смутное представление. В советское время такие техники отработывались в учреждениях, связанных с Международным отделом ЦК КПСС и некоторыми другими структурами, но сегодня они не востребоваыны.

ропы и Северной Америки, а главное – сравнительно с ожидавшимися миллиардами жертв их реальное число показалось чуть ли не «малой кровью».

Действительно, в начале 1960-х годов напряжение достигло такого накала, что встал вопрос о физическом выживании человечества. Смертельную угрозу представлял не только прямой ядерный конфликт между сверхдержавами: последующие расчеты показали, что если бы активность цивилизации оставалась такой же «экологически грязной», какой она была в 1950-х годах, то в 1990-х жизнь на Земле стала бы невыносимой (Ефремов 2004).

К концу 1970-х годов мир обрел относительную устойчивость. Остались позади несколько чудом преодоленных обострений, вопреки бесчисленным разногласиям был заключен Договор о запрете ядерных испытаний в трех средах, который со временем признали и не подписавшие его ядерные державы – Франция и Китай. Благодаря жесткой позиции советского правительства американская армия отказалась от замыслов использовать тактическое ядерное оружие (согласие на это дипломаты пытались «продать» несколькими годами ранее). Человечество культурно и психологически адаптировалось к новейшим технологиям, которые сделались теперь гарантом взаимного сдерживания. По одну сторону «невидимого фронта» поблекли грезы о «мировой пролетарской революции». По другую сторону страх перед международным революционным движением заставлял работать на консервацию и стабильность, поддерживая самые одиозные репрессивные режимы как заслон против «левых». Спецслужбы противостоящих блоков, комфортно устроившись на хлебных должностях, пестовали сторонников за рубежом – от «агентов влияния» до кровавых диктаторов и боевых террористических организаций – и занимались взаимным «разваливанием», не рассчитывая на стратегический успех и даже не сильно стремясь к нему. В охотку устраивались обоюдные провокации для ежегодных отчетов, но творцы холодной войны понимали, что она служит стабильным источником их социального и финансового благополучия. Регулярные баталии в Конгрессе США между видами войск за распределение финансовых ресурсов даже сделались предметом американских анекдотов того десятилетия².

² Курсант военной академии сдает экзамен: «Кто главный враг американской армии? – Советская армия, сэр. – Ответ неверен. Советская армия служит противником (*adversary*). А главный враг американской армии – это военно-морской флот США».

В декабре 1979 года советское правительство, поддавшись на уловки противника, позволило заманить наши войска в Афганистан. Мстительная мечта американцев о «советском Вьетнаме» обрела плоть и кровь, но никто еще не предполагал, что это станет «началом конца» одного из противостоящих военных блоков. Не задумывались и о перспективе террористических движений, формирование которых приобрело теперь особую интенсивность...

В конце 1980-х по обе стороны океана распространилось ожидание близящегося бесполюсного (или многополярного) мира и даже грядущего «конца истории». Согласно одноименной статье-бестселлеру Ф. Фукуямы (1990), главной проблемой нового бесконфликтного мира станет... скука. Но в такой конфигурации будущего как силовые структуры, так и спецслужбы теряют почву – и новый бестселлер не заставил себя ждать. Другой американский идеолог С. Хантингтон (1994) предрекал, что начавшийся религиозный ренессанс разделит планету на семь или восемь региональных «цивилизаций», конфликт между которыми составит новое содержание политических процессов – и это будет пострашнее уходящего противостояния капитализма с коммунизмом.

Реальность по прошествии четверти века кажется созвучной хантингтоновой модели, но только на первый взгляд. Так называемое столкновение цивилизаций на поверку чаще всего представляет собой конфликт сосуществующих во времени исторических эпох, вызванный системным геополитическим кризисом. Вопреки благодушным ожиданиям, ментальная матрица массового политического сознания осталась двухполюсной, и опустошение одного из полюсов спровоцировало эффект, хорошо знакомый специалистам по экологии и теории систем.

Опустошение экологической ниши чревато либо деградацией биоценоза, либо тем, что ниша заполняется неспецифическим видом – и это также оборачивается дисфункцией. Хрестоматийными примерами могут служить результаты кампаний 1950-х годов по уничтожению воробьев в Китае (посчитали, что так будет сохранен значительный объем зерновых) и по отстрелу волков в России.

В первом случае обнаружилось, что птичий рацион составляет не столько зерно, сколько насекомые и их личинки, а оставшиеся без естественного врага и безмерно расплодившись, эти вредители обрушили эко- и агроценозы. Во втором случае место волков заняли одичавшие псы, справиться с которыми оказалось гораздо труднее: собаки были не столь «простодушны», не боялись огня, веревки, флажков и прочих ловушек и, в отличие от волков, активно

ненавидели людей. Чтобы устранить это бедствие, приходилось восстанавливать популяцию волков, которые быстро вытесняли конкурентов из своей «законной» ниши.

Тот же системный эффект проявился и в глобальной геополитике конца XX – начала XXI века. Опустевший полюс стал заполняться террористическими группировками, которые в предыдущие десятилетия вращались спецслужбами противостоящих блоков и, больше не нужные прежним хозяевам, быстро одичали.

Так, параллельно с небывалым уплотнением планетарных взаимозависимостей сложилась угрожающая патология полюсов мировой геополитики.

На одном полюсе – американская элита, охваченная эйфорией победы в холодной войне, ощущением всемогущества, вседозволенности и тем психическим состоянием, которое политолог П. Слотердейк (изучавший настроение европейцев на пороге Первой мировой войны) обозначил как *комплекс катастрофофилии* (Sloterdijk 1983). Наши исследования антропогенных катастроф показали, что такое состояние массового сознания, воспроизводящееся в различных исторических эпохах и выражающееся иррациональной жадой «маленьких победоносных войн», служит компонентом кризисогенного поведения.

В последние два десятилетия отчетливо прослеживается снижение интеллектуального качества американской политической элиты. Если в 1960–1980-х годах осуществлялись блестящие многоходовые операции с участием высококлассных страноведов и психологов, направленные преимущественно на предотвращение политических катаклизмов, то в 1990-х на смену гроссмейстерам пришли игроки пятого разряда, самоутверждающиеся ценой сиюминутных побед и не умеющие просчитывать их последствия на пару ходов вперед.

С 1999 года едва ли не каждое масштабное внешнеполитическое действие оборачивается эффектом бумеранга для его инициаторов. Я писал об этом в американской печати после югославской и иракской авантюры, доказывая, что их мотивами служили не экономические или национальные интересы, а та же иррациональная жажда демонстративных побед, резонировавшая с настроениями достаточно широких слоев населения (Nazaretyan 2003). Потом были военные «успехи» на Ближнем Востоке и в Северной Африке, превратившие политически стабильные регионы в гнезда террористов.

Так импульсивными действиями из-за океана непроизвольно, но последовательно усиливается противоположный полюс – средо-

точие сил, жаждущих уже не «маленьких победоносных войн», а тотальной войны за утверждение всемирной власти шариата. Эта пассионарная идеология в чем-то сродни коммунистической образца столетней давности, но еще Хангтингтон заметил, что находить общий язык с ее адептами значительно труднее, чем с коммунистами. Коммунизм, как и либеральная демократия, был наследником гуманистических утопий Нового времени, тогда как теперь их нишу заняли выходцы из Средневековья.

В итоге по большому счету самодовольной элите США (и частично примыкающей к ней элите Западной Европы) противостоят еще более безответственные, не обученные системному мышлению и долгосрочному прогнозированию религиозные фанатики – и глобальная геополитическая система идет вразнос. Международное право, общечеловеческие ценности, стремление к компромиссам и к минимизации человеческих жертв при конфликтах остаются такими же ностальгическими воспоминаниями, как свободная журналистика. На смену им приходят множественные стандарты, информационная война, безусловное обоюдное неприятие и готовность отыгрываться на мирном населении за военные неудачи.

Первые отчетливые симптомы того, как снижается качество политического мышления, были зафиксированы методом сопоставления пропагандистских стилей во время югославской агрессии НАТО. Тема подсказана классической статьей американских авторов, посвященной сравнительному анализу пропаганды в период Второй мировой войны. Согласно наблюдениям И. Криса и Н. Лейтеса (Kris, Leites 1947), только советская пропаганда строилась в «манихейском» ключе: Гитлер представал как исчадие ада и дьявол во плоти. В пропаганде же западных союзников преобладали прагматические резоны, т. е. выгоды от победы над Германией соотносились с неприятностями в случае поражения. А когда У. Черчилль публично сравнил нацистов с гуннами, английские журналисты устроили скандал – мол, нарушены джентльменские правила полемики.

В 1999 году, следуя тому же методу, мы проанализировали содержание западной пропаганды, и результат обескуражил самих исследователей. Образ президента Югославии С. Милошевича в англоязычных текстах второй половины 1990-х годов оказался изоморфным образу Гитлера в советских текстах 1940-х! Одномерные картинки злобного диктатора и убийцы не разбавлялись попытками выслушать другую сторону или взвешенно рассмотреть ситуацию. Самое же поразительное, что публика в США и даже

в Западной Европе безропотно и почти единодушно приняла этот пропагандистский стиль, не пытаясь искать альтернативные источники информации, забыв о выстраданных принципах плюрализма и состязательности. Кстати, с югославских событий началось распространение бытового антиамериканизма в России, не наблюдавшегося даже в разгар советской «антиимпериалистической пропаганды», а с общественными настроениями вскоре изменился и политический курс нового руководства.

Вот когда сделалось до боли ясно, насколько утопичной была наша либеральная мечта о формировании свободной журналистики в России – напротив, мы увидели, как становится не востребуемым этот благородный вид деятельности в западном обществе. Место свободной журналистики занимают расплывающаяся пропаганда (отбор, оформление и выстраивание информации под заданную цель) и информационная война, в рамках которой забота о достоверности даже функционально выстроенной информации отходит на задний план. Вскоре о невостребованности свободной журналистики стали писать и западные аналитики (Davies 2009).

Мы также сравнили поведенческие реакции европейцев по годам. В 1990–1991 годах, когда агонизировавший СССР еще не умер, армии НАТО концентрировали силы на Ближнем Востоке для освобождения оккупированного С. Хусейном Кувейта. Операция «Буря в пустыне» готовилась с одобрения Совета безопасности, и ее политические или моральные основания мало у кого вызвали возражение. Тем не менее в странах Западной Европы проходили массовые демонстрации протеста под лозунгом «Нет войне!». В 1999 году неспровоцированная агрессия НАТО против европейской страны, не подкрепленная санкцией ООН, сопровождалась почти безоговорочным одобрением гражданского общества. Это наглядная иллюстрация того, как всего восемь лет без достойного противника и без страха большой войны реанимировали забытую симптоматику катастрофофилии, и функциональная потребность острых переживаний, связанных с «маленькими победоносными войнами», вновь стала приобретать эпидемический размах.

И вот еще один удручающий факт. Жители Белграда решались демонстративно толпиться у жизненно важных объектов, предотвращая тем самым бомбовые удары. Сегодня трудно даже представить себе такое великодушие по отношению к мирным гражданам со стороны военных где-нибудь в Восточной Украине или на Ближнем Востоке. Возраставшая на протяжении последних веков ценность человеческой жизни сменяется ее стремительной деваль-

вазией, а такое часто происходило на пороге антропогенных катастроф...

Следует добавить, что к концу XX века уплотнение информационной среды настолько интенсифицировало процессы психического заражения, что наряду с массовыми настроениями регионального, национального и континентального масштаба обозначился новый предмет – общемировые массовые настроения. Так психическая эпидемия, очагами которой в 1990-х годах стали США и ряд исламских регионов, распространяясь вширь, исподволь становится ситуационной доминантой. Сегодня она далеко превосходит по возможным последствиям для мирового сообщества болезни типа эболы или птичьего гриппа прежде всего потому, что очень слабо осознается.

Чего же следует ожидать, если ситуация в скором будущем радикально не изменится?

На страницах ИПСИ не раз обсуждалось одно из ярких открытий новейшей науки – гипербола планетарной эволюции (Панов 2008; Назаретян 2014б; Сажиевко 2015; см. также: Панов 2005; Назаретян 2014а; 2015; Snooks 1996; Panov 2005; Kurzweil 2005; Eden *et al.* 2012). Напомню, независимые расчеты, проведенные учеными разных стран и специальностей, показали, что на протяжении 4 млрд. лет биологическая, прасоциальная и социальная эволюция была пронизана едиными векторами и ускорялась в соответствии с простой логарифмической формулой: периоды между фазовыми переходами (предварявшимися каждый раз глобальными кризисами) сокращались в убывающей геометрической прогрессии. При экстраполяции гиперболической кривой в будущее она в ближайшие десятилетия обращается в вертикаль, т. е. скорость эволюционных изменений устремляется к бесконечности, а интервалы между фазовыми переходами – к нулю. В математике такую точку, в которой значение функции обращается в бесконечность, называют *сингулярностью*.

Этот неожиданный и сугубо математический вывод заставляет предположить, что около середины XXI века наступит фаза полифуркации, сопоставимая по глобальному (а возможно, и вселенскому) значению с появлением жизни. По всей видимости, за горизонтом либо начнется деградация антропосферы (Ноосферы), либо эволюция выйдет с планетарной на космическую стадию. Разрушительные сценарии связаны с возрастающей доступностью новейших видов оружия, экспоненциальным накоплением генетического груза (необходимое развитие геномной инженерии несет с собой до-

полнительные угрозы ошибок и злоупотреблений) и т. д. Сохраняющие сценарии также небезоблачны. Они предполагают глубокие цивилизационные трансформации, не все из которых нашему современнику показались бы эмоционально привлекательными, но, как демонстрирует исторический анализ, прогресс на всех этапах представлял собой выбор «меньшего из зол».

Во всяком случае, в XXI веке должна так или иначе разрешиться интрига планетарной истории, и это накладывает особую ответственность на поколения живущих ныне людей. В 2003 году выдающийся астрофизик королевский астроном Великобритании М. Рис оценил шансы земной цивилизации пережить наступивший век как 50/50 (Rees 2003). Это согласуется и с нашими тогдашними оценками. Первое десятилетие века ознаменовалось историческим рекордом ненасилия в мире: суммарное число насильственных смертей в вооруженных конфликтах, политических репрессиях и бытовых конфликтах составило около 500 тыс. в год, тогда как население Земли приближалось к 7 млрд. (Насилие... 2002; Global... 2011). Полмиллиона ежегодных жертв – число чудовищное, но по коэффициенту кровопролитности оно беспрецедентно низко (а по абсолютной величине уступает числу самоубийств). В некоторых регионах показатель опустился ниже одного убийства в год на сто тысяч жителей – и все это рождало робкую надежду на то, что вытеснение физического насилия в виртуальную сферу продолжится (Назаретян 2009).

К сожалению, во втором десятилетии ситуация стала заметно ухудшаться, и перспектива выхода планетарной цивилизации на аттрактор, связанный с прогрессивным развитием, видится все более проблематичной³. Геополитика составляет не единственную, но одну из решающих предпосылок для воплощения в жизнь того или иного сценария, и они в значительной мере определяются тем, будет ли один из полюсов заполнен трезвой ответственной силой, которая вытеснит из ниши средневековых фанатиков и вернет качество вменяемости основным геополитическим конкурентам. Если этого не случится, то, вероятнее всего, цивилизацию Земли ждет необратимый коллапс.

³ Такая последовательность событий удивительно напоминает Европу столетней давности. После политически безоблачного первого десятилетия сложилась уверенность, что европейские войны остались в прошлом, и экономисты приводили убедительные доказательства полной бессмысленности взаимного разрушения тесно интегрирующихся производственных систем. Во втором десятилетии, однако, в массовых настроениях стихийно нарастала тоска по острым переживаниям, сопровождавшая сползание к августу 1914 года (Рафалюк 2012).

Перспектива Большой сингулярности хорошо известна ученым (в 2008 году при НАСА образован Университет Сингулярности, аналоги которого формируются и за пределами США), но их выводы пока не востребованы в политических кругах. *Те из политиков, которые, отрешившись от партийных и национальных амбиций, раньше других освоят эту идею, могут получить важнейшее конкурентное преимущество.*

Внешняя политика СССР, особенно в период его расцвета, получала поддержку в широких демократических кругах за рубежом благодаря привлекательной интернационалистской идеологии. Тогда еще коммунистическая власть и ее сателлиты были идеологически ориентированы на окончательный разгром «империализма», а ее враги каждое политическое потрясение трактовали (чаще всего без достаточных оснований) как происки «кремлевских агентов». Собственные неудачи они объясняли отсутствием внятной стратегической программы – чего-то более содержательного, чем просто «борьба против коммунизма», – и в 1950–1960-х годах правительством США учреждались «комиссии по выработке национальной цели». Такая работа проводилась успешно, и лозунги вроде «наведения мостов» или «американского образа жизни» усилили эффект агентурной работы.

Крах коммунистической идеи оставил в российском обществе духовный вакуум, который со временем стал частично заполняться патриотическими и религиозными настроениями. О внутривнутриполитической перспективе таких акцентов в полиэтничной и поликонфессиональной стране можно спорить, но бесспорно то, что они сужают перспективу ее утверждения в качестве ключевого субъекта международных отношений.

Вспышка украинского кризиса была спровоцирована очередной авантюрой властей США, которые, открыто поощряя вооруженный переворот с привлечением местных движений нацистского толка, едва ли сознательно намеревались устроить войну в центре Европы. Активное сопротивление «пророссийских» сил в Украине и их поддержка российским правительством стали для них такой же неприятной неожиданностью, как раскрепощение исламских фанатиков в результате «арабской весны».

В России это сопровождается патриотическим энтузиазмом большей части населения и недовольством в кругах либеральной интеллигенции. Исторические нотки из обоих лагерей затемняют глобальное содержание регионального конфликта, суть которого в том, насколько очевидным окажется очередной провал в авантюре-

ной практике США и насколько прочно утвердится в результате новый независимый центр мировой политики. Я думаю, что решающий перелом был бы обусловлен смещением акцентов в российской внешней политике с «национальных интересов» на актуальную общечеловеческую тему: **восстановление устойчивости глобальной геополитической системы**. Стратегический курс на сохранение планетарной цивилизации в XXI веке и его грамотная информационная раскрутка сделают действия российского руководства более привлекательными для демократической общественности как внутри, так и вне страны.

В этом контексте приобретает новые смыслы и образование международных ассоциаций типа БРИКС и Евразийского экономического союза. Разнообразие культурных и исторических традиций, интегрированное осознанием смертельной угрозы для мировой цивилизации и общей задачей ее сохранения, могло бы служить стабилизирующим стержнем, вокруг которого далее формировалось бы планетарное конфедеративное устройство. Сегодня в этом видится последний шанс Ноосферы Земли выйти на космически значимые рубежи прогресса.

Литература

Берзин, Э. О. 2009. Вслед за железной революцией. *Историческая психология и социология истории* 2(2): 184–194.

Ефремов, К. 2004. Путешествие по кризисам. *Лицейское и гимназическое образование* 3: 5–6, 68–70.

Назаретян, А. П.

2009. Виртуализация социального насилия: знамение эпохи? *Историческая психология и социология истории* 2(2): 150–170.

2014а. Закавказская Конфедерация? (Перспектива региональной геополитики в свете Мегаистории.) *Вопросы философии* 3: 180–185.

2014б. «Национальная идея»: Россия в глобальных сценариях XXI века. *Историческая психология и социология истории* 7(1): 75–91.

2015. *Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании*. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Аргатак-Медиа.

Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире. Всемирная организация здравоохранения. М.: Весь мир, 2002.

Панов, А. Д.

2005. Завершение планетарного цикла эволюции? *Философские науки* 3–4: 42–49, 31–50.

2008. *Универсальная эволюция и проблема поиска внеземного разума (SETI)*. М.: ЛКИ.

Рафалюк, О. Е. 2012. «Пляски смерти» рубежа XIX–XX веков: образ смерти в сознании русской культурной элиты. *Историческая психология и социология истории* 5(2): 38–59.

Сажинко, Е. В. 2015. Управление и самоорганизация: мегаисторический аспект. *Историческая психология и социология истории* 8(1): 147–159.

Фукуяма, Ф. 1990. Конец истории? *Вопросы философии* 3: 84–118.

Хантингтон, С. 1994. Столкновение цивилизаций? *Полис* 1: 33–48.

Davies, N. 2009. *Flat Earth News*. London: Vintage.

Eden, A. H., Moor, J. H., Søraaker, J. H., Steinhart, E. (Eds.). 2012. *Singularity Hypotheses. A Scientific and Philosophical Assessment*. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag.

Global Study of Homicide. Trends, Contexts, Data. 2011 UNODC.

Kris, E., Leites, N. 1947. Trends in Twentieth Century Propaganda. *Psychoanalysis and the Social Sciences*: 393–409.

Kurzweil, R. 2005. *The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology*. N. Y.: PG.

Nazaretyan, A. P. 2003. Power and Wisdom: Toward a History of Social Behavior. *Journal for the Theory of Social Behaviour* 33(4): 405–425.

Panov, A. D. 2005. Scaling Law of the Biological Evolution and the Hypothesis of the Self-consistent Galaxy Origin of Life. *Advances in Space Research* 36: 220–225.

Rees, M. J. 2003. *Our Final Century: Will the Human Race Survive the Twenty First Century?* New York: Basic Books.

Snooks, G. D. 1996. *The Dynamic Society. Exploring the Sources of Global Change*. London; N. Y.: Routledge.

Sloterdijk, P. 1983. *Kritik der zynischen Vernunft*. 1, 2. Bnd. Frankfurt am Main: Edition Suhrkamp.